

При прочтении книги или статьи обычно в сознании возникают две плоскости: реальная, идущая от текста, объективная и — субъективная, ценностная, предназначенная кому же? Не мне ли, чтобы поделиться тем, что всколыхнулось?

Книгу А.С. Донских открывает повесть в новеллах, написанная от лица сибирского мальчика Серёжи, повесть о его детстве, его семье. Даются несколько выразительных эпизодов, раскрывающих общую картину детства, не похожую на других и вместе с тем узнаваемую, знакомую, знаковую. Многодетная семья, непростые отношения матери и «непутёвого» отца, детские игры, обиды, страхи. Главное сказано, а всё остальное должно домысливаться, достраиваться? И

Александр Донских
**Солнце
всегда взойдёт**

Повесть и рассказы

Современная приключенческая проза

нет здесь акцентов: всё взвешено, всё в восприятии ребёнка улажено, и название-то оптимистическое: «Солнце всегда взойдёт», а мы, тем не менее, чувствуем и скрытый трагизм семьи, и героинку матери-труженицы, и много чего ещё... Но в своей рецензии мы будем говорить о второй плоскости, то есть о скрытой, внутренней, иррациональной (и гениальной!) вере в доброту отражаемого мира.

Вот мать объясняет маленькому Серёже его происхождение «от оленёнка», и мальчику хочется верить в красивую легенду, и так эмоциональное в детском восприятии увязывается с символом, а сказочное соотносится, совпадает с реальным.

Где я нашла тебя? — переспросила мама и выразительно взглянула на папку; а тот, усмехаясь, покручивал свой жёсткий ус и курил возле открытой форточки. — Как-то раз ночью вышла я на улицу и вижу: несутся по тундре олени, много-много их было, ну, просто тьма. Умчались они, и только я стала заходить в дом, как вдруг услышала — кто-то плачет. Подошла, вижу: лежит на снегу махонький оленёнок. Сжа-а-а-ался весь. Взяла его на руки. В доме он отогрелся и сразу же превратился в мальчика. Это и был ты (с. 15).

Всю повесть пронизывает утверждение идеи о должном главенстве отца, мужчины в семье, но проговаривается эта мысль к концу повести.

Ты — голова семьи. Го-ло-ва! Представь себе, к примеру, коня или человека без головы да без мозгов. Ходят они по улицам и тыкаются туды да сюды. Вот так и семья без мужика — бестолковость одна, дурость да нелепость. Ты, мужик, — голова, они — дети, жена — твоё туловище, ноги, руки. Понял? (с. 96).

Мысль писателя совпадает с исследованием Сергея Михайлова о том, что алкоголизм, разводы, атипичное интимное поведение, случаи мальчишеского суицида — слишком многие наши проблемы заточены как раз на том, что утрачено главенство отца. Неощущение мужчины главным в семье приводит, в конечном счёте, к потерям общенационального характера. Живя по Домострою, Россия расширяла свои границы: Сибирь, Дальний Восток, Камчатка, Курилы, Аляска, Кавказ, Средняя Азия. В настоящее время нередко бывает наоборот. Жена занимает главенствующее положение в семье, держит мужа под каблуком, опускает «ниже плинтуса». Если в семье растёт сын, то, повзрослев, он боится женщин, становится гомосексуалистом, педофилом и маньяком. Если в такой семье растёт дочь, то, повзрослев, она перенимает все манеры своей матери. Здесь именно тот случай, когда «бытие определяет сознание»¹. Вспоминается известный мультсериал «Маша и медведь» и очень современные обозначения на Западе: родитель № 1, родитель № 2, и та самая безотцовщина, следы которой тянутся от давно прошедших войн, но меняют окраску сегодняшних дней.

Писатель Александр Донских передаёт тонкость детского восприятия, в частности, через пример так называемой терциарной речи, феномен молчащего наблюдателя. Это как раз и замечает переживающий внутрисемейный конфликт маленький мальчик:

¹Михайлов С. Вперёд к Домострою. Размышления о семье и вере // Москва. 2013. № 8. С. 153–159.

— Ну, пойдём, Серьга, порыбачим... маненько... а завтра крышу... кх!.. починим, — обратился папка ко мне, но я понял, что сказал он для мамы (с. 27).

А.С. Донских вскрывает глубинный секрет привязанности ребёнка к отцу:

Мы, дети, почему-то не осуждали папку, хотя и немало из-за его чудаковатостей перенесли лишений. Может, потому, что был он без той мужицкой хмури в характере, которая способна отталкивать ребёнка от родителя, настораживать? (с. 18).

Выразительно пишет писатель о матери, на которой всё держится в семье, на её умении одинаково, ровно относиться к своим детям.

Лена — да, да, она была славной девочкой! — во всём и всегда первая помощница мамы, её, что называется, правая рука, но никогда не выделялась ею в свои любимицы. Наша мама, хочется отметить, была как-то ровна ко всем нам, своим пятерым детям; может, кого-нибудь из нас тайне и любила по-особенному, нежнее, что ли, но мы не улавливали разницу (с. 71).

А эта аккордовая сценка в сарае, когда маленький Серёжа, в слезах, молится Богу, чтобы отец выправился, а мать, подошедшая сзади, ничего не сказала в утешение, только обняла сына: *«Она крепко обняла меня, и мы долго простояли замерши»*.

Эмоциональная мелодичность повести всё время пульсирует, играет негативом и позитивом, при этом характер каждого малолетнего героя автором прорисовывается весьма рельефно. Новеллы демонстрируют полиэмоциональность межсиблингового общения, того общения, которое стало дефицитом в современной «малоптенцовой» семье. Интересно, что, как и у Льва Толстого, у Александра Донских не последнюю роль играет художественное описание эмоциональных переживаний многодетной семьи. Старшая «назидательная» Люба вызывает у брата одни эмоции, маленький Сашок — другие, понимающая младшего брата Лена — третьи, а есть ещё Настя, и есть двоюродные брат и сестра, к которым они приезжают в гости.

Когда сейчас говорят об одиночестве взрослого человека, о буллинге (травле) в школах, о суицидах, по которым мы занимаем первое место, о «сэндвич ощущениях», когда на срединный возраст падает тяжелейшая обязанность одновременно заботиться и о детях, и о стареющих родителях, мы мало задумываемся о ценности традиционной многочисленной и многопоколенческой семьи. Там некоторые проблемы снимались сами по себе. Добавим сюда же постулируемый лозунг «Молодые должны жить отдельно». Наконец-то получили долгожданное отдельное жильё, а дальше? Проблемы-то остались, если не усилились. «По американской статистике, супруги, выросшие в семье с несколькими братьями и сёстрами, разводятся реже, чем единственные дети в семье. Член большой семьи лучше умеет общаться и находить компромиссы»**.

Вернёмся к книге. Казалось бы, ничем не удивишь подкованного современного читателя, однако она написана таким живым, сочным языком, что хочется читать, вчитываться, перечитывать. Повесть примечательна, например, мастерством художественной перцепции. Много внимания уделено запаховой информации, весьма прочно, как известно, связанной с эмоциями. Замечена психологами закономерность: писать или рассказывать о детстве — всенепременно вспоминать запахи. «Из запахов соткано детство моё» (Луи Шадурн).

Я поднял руку, чтобы погладить жука, но он в мгновение ока исчез, будто

**Наука и жизнь. 2014. № 1. С. 106.

его и не было. «Ну и дети. А я понюхаю жарок — маленькое солнышко». Во мне всегда рождается ощущение, что жарки греют и источают свет. Я бережно разомкнул нежные, начавшие увядать лепестки... (с. 45).

Зрительный канал восприятия включает уникальные цветообозначения: *словно бы шоколадом вымазанное густо-тёмное лицо; А небо смотрело на нас темно-фиолетово; ...Из воды вылетел радужно-зеленоватый, красноёрый окунище.* А вот оценка синего цвета, ненароком совпадающая с исследованием Мишеля Пастуро***:

Саня нередко глубоко задумывался, казалось, без причины. Он был поэтом. И его душа мне представлялась синей, как небо... Что за цвет синий? В нём печаль и радость, мудрость и легкомыслие, волнение и безмятежность (с. 43).

В плане динамики изображения выразительны авторские приставочные глаголы: *вспикнул* — о братике; *Она выхудала, подсгорбилась* вся, будто бы что-то тяжёлое взгромоздили на её плечи; *дом, вычерненный* непогодой.

Мы взяли лишь несколько отдельных точек повествования, но все они демонстрируют неповторимое очарование текста.

В недавно изданную книгу вошли также четыре рассказа писателя.

В рассказе «Смерть — копейка» от лица солдата-срочника говорится о его службе, проведённой временно в сельской больнице, куда были доставлены два умирающих солдата. Один оптимист Рафидж, а другой — противоположность первому, Иван. Их поведение повлияло на солдата, решившего: «*Живы будем — не помрём*». Рассказ завершается фразой: «*А Ивана вспоминаю, конечно, вспоминаю. Бедный, бедный мой Иван!*» (с. 133).

Рассказ «В дороге» самый объёмный. Герой его — капитан Пономарёв, вынужден отправиться за убежавшим из армии солдатом Саловым, чтобы вернуть его в часть. Долгая дорога заставила капитана многое пересмотреть в жизни, прислушаться к словам: «*Да мы чего-то и не думаем: бедно ли, богато ли живём, — снова не сразу, но в этот раз первой отозвалась Людмила. — Живём да живём, а всё про всё ведаёт только Бог. Известно: людское дело — жить да не томиться*» (с. 194–195). Рассказ «Человек с горы» посвящён старику, признающемуся в конце: «*Я уже сказал нашим землякам: по гордости своей полез я на гору. С людьми мыкался всю жизнь, с людьми рядышком и помирай*» (с. 283).

В рассказе «Наследник» отношения внука и деда в центре внимания, сердечные, тёплые отношения.

Дедушка очнулся, приподнялся с пня, потянулся. В сивую реденькую бороду его влёлся солнечный свет, и она, показалось мне, стала светиться. Он погладил её, — и рука тоже засветилась.

— *Ты, дедушка, светишься, как сегодня утром в окне, — сказал я, выходя на берег и принимая грудью и лицом солнце и тёплый ветерок (с. 324).*

И всё это рассказывается «на фоне» сибирской природы, тайги.

Сюжеты различны, но кое-что их объединяет: образ Сибири, прекрасной в своей непревзойдённости и далёкой, которая незаметно воспитывает, наставляет людей. Почему повествование «В дороге» столь объёмно? А потому, что капитану Пономарёву надо было пройти весь этот нелёгкий путь, чтобы захотелось ему стать таким же, как Виктор, чтобы принять законы тайги, когда гость в тайге да ещё с перехода выше хозяина и всех его сродников, чтобы понять, как немного человеку нужно собрать ягод на зиму, чтобы... Это на поверхности рассказа, а в

***Пастуро М. Синий. История цвета. Фрагменты книги // Иностранная литература. 2010. № 4. С. 239–297.

глубине — умелая передача того, что кажется непередаваемым, в глубине — тайга с её стрелой Бурхана, Саянами, озером с дивной водой. Озеро-сердце...

Несколько суток пробирались к стойбищу. Волглые, сумеречные ущелья и встопорщенные, вздыбленные буреломники, взёмные взгорья и обрывистые спуски, заморозки утрами и нередко калящая жара к полдню, кровососущие облака мошкары и комаров, колючие, невылазные чащобники и заматеревшие гущиной, не пускающие вперёд травостой, прячущиеся в кустах злокозненные тряские болотины и неверные броды на реках, когда чуть в сторону — оп, и ты в яме, по маковку в воде, а ещё не везде мог олень пройти и — километрами «пешедралом», — да, тяжела, опасна, а зачастую и коварна земля тофаларская (с. 209).

Читать и то тяжело, а идти? Но капитан шёл и учился. Вот рассказ «про дурь-дорогу», зачем-то сделанную в тайге. Не слушало старых людей начальство, не спрашивало. Природа? Значит, надо осваивать. А не изучить ли сначала? Гроза в тайге, люди сидят в шалашике плечо к плечу, спина к спине. «Вроде как муравейные мы люди». А через некоторое время...

Выбрались наружу. Капитану Пономарёву показалось, что перед ним какое-то другое место — окрест преобразилось необыкновенно. Земля кипяще горела первозданными чистейшими красками (с. 207).

Как же всё это описывать, чтобы и ты почувствовал силу и святость тайги? Нагрузка ложится на язык. Вчитаемся: птица угугукнула, и не очень потёмочно, серо-грязевой гущиной, их губы и руки посливели, сложноцветно, радужно горела высокогорная вода...

Встреч в пути было немало: оказывается, и тайга заселена народом. И радовало капитана Пономарёва, что встреченные им люди и чем-то явственным и чем-то неуловимым похожи на ставших дорогими его сердцу Виктора и Людмилу с её мальчишками (с. 211).

Рассказ близится к концу, а читателю этого конца и не хочется. Дело в том, что нетронутая, неиспорченная природа сейчас редко становится объектом описания. Во-первых, её надо знать. Что непросто. И дело не только в названиях птиц и растений, лишайников и мхов. Попробуйте сами описать тяготы таёжного пути, как в вышеприведённом отрывке. Во-вторых, эту природу надо любить. В-третьих, уметь «жить да не томиться», а это сложнее всего. В современной лингвистике можно выделить особое направление — исследование языка удалённых территорий, непроходимых пространств, и писатели-сибиряки дают добротный материал для такого анализа. Сибирь огромна, и многое зависит от её изучения, прежде всего.

Мы намеренно не указываем, чем закончился рассказ. И вообще пересказать хороший текст невозможно: слов потребуется гораздо больше, чем при его написании. В современной литературе сейчас правит бал постмодернизм: цитации, ассоциации, параллели — не до сюжетов. А по жизни сюжеты есть и требуют нового, свежего осмысления. Так и в рецензируемой книге: ситуации в армии — есть, пьянство в деревне — есть, надвигающаяся старость — тоже есть. Но при этом присутствует в рассказах и художественная оптика: умение не приукрашать изображаемое, но при этом высвечивать главное. В любом тексте просматривается моральное лицо творца. И читатель с благодарностью ощущает — через героев повествования — доброту незнакомого автора, то есть то самое доверие к жизни, на котором всё держится и в Сибири, и за её пределами.